

Почему Чигорин не был чемпионом мира?

Этот вопрос невольно возникает у каждого, кто внимательно ознакомился с партиями Чигорина, его аналитическими работами, его биографией.

Чигорин был исключительным мастером атаки, мастером блестящих жертвенных комбинаций; он всегда стремился к победе, то есть у него были те черты шахматного бойца, которые так импонируют широкой массе шахматистов.

Правда, это распространенное мнение об игре Чигорина является неполным. Чигорин был также большим мастером упорной защиты, прекрасно играл эндшпиль, умея «выжимать» минимальное преимущество, отличался огромным трудолюбием – словом, имел все то, что в те времена мало ценилось широкими слоями шахматистов, но что в шахматной борьбе не менее важно, чем блестящие комбинации.

Когда Чигорин заинтересовался шахматами, царская Россия была отсталой шахматной страной. Ничтожное число любителей – ярых поклонников королевского гамбита и гамбита Эванса, почти полное отсутствие серьезных турниров и шахматной литературы – все это исключало возможность появления в России шахматного «революционера-ученого», каким был Стейниц. Чигорин не мог не стать приверженцем «старой школы», безраздельно господствовавшей в те времена, и действительно, он оказался ярким ее представителем.

Шахматы захватили Чигорина. Он бросил службу, чтобы все свое время посвятить шахматному искусству. На такой шаг нелегко было конечно, решиться. Во-первых, до Чигорина Россия не знала людей, которые избирали бы шахматы своей профессией. Во-вторых шахматы были тогда далеко не в почете.

Вот что пишет в 1876 году сам Чигорин, не питавший на этот счет никаких иллюзий, в предисловии к первому номеру своего журнала «Шахматный листок»: «... Шахматная игра, как игра трудная серьезная, требующая много практики, изучения, не может в настоящее время успешно конкурировать со своими страшными соперниками – играми Мамона» (т. е. азартными играми, – М. Б.).

Иное положение занимают шахматы теперь, в нашем социалистическом государстве: с каждым годом растет популярность шахмат, и уже сейчас мы можем назвать шахматы подлинно народной игрой. Советские рабочие, крестьяне и интеллигенты отнюдь не боятся того, что шахматы – игра «трудная, серьезная». Какой разительный контраст между прошлым и настоящим!

Добившись очевидного превосходства над всеми русскими шахматистами, Чигорин поехал за границу. Он встретился там с шахматистами разнообразного стиля: еще не повержена была «старая школа», но уже вошла в силу позиционная теория Стейница. Чигорину поневоле пришлось расширить свой дебютный репертуар. И вот почти в каждом дебюте он изобретает свои собственные системы: так, например, в испанской партии 5... Nd7 (после 1. e4 e5 2. Nf3 Nc6 3. Bb5 Nf6 4. 0-0 d6 5. d4); во французской – 2. Qe2 (после 1. e4 e6) и в ферзевом гамбите – 2... Nc6 (после 1. d4 d5 2. c4).

Стиль Чигорина также претерпел некоторые изменения. Хотя на словах он горячо восставал против принципов Стейница и правил Тарраша, но на его собственной игре все более заметным становится влияние «новой школы». Достаточно вспомнить, с каким искусством в 19-ой партии своего матча с Таррашем он провел осаду слабой пешки e4. Но в основном Чигорин остался верен себе и «старой школе».

Очевидно, что в шахматы можно играть любым стилем, – всякий стиль хорош, если он ведет к победе. Но чем шахматист разностороннее, тем больше у него шансов на победу, тем глубже и лучше он может сыграть за доской, ибо во время партии могут встретиться самые разнообразные позиции.

По характеру своего творчества Чигорин в большой мере остался приверженцем «старой школы», и, может быть, поэтому он не стал чемпионом мира.

Что, однако, помешало Чигорину расширить свой шахматный кругозор? Ведь история знает пример Стейница, который полностью пересмотрел свои шахматные убеждения. Возможно, что Чигорин не мог устоять против потока похвал и лестных отзывов, которые расточались его таланту и, главное, его стилю. Будучи знаменем приверженцев «старой школы», Чигорин, видимо, не нашел в себе мужества, чтобы покинуть свою «армию».

Играло роль, конечно, и то обстоятельство, что характер его как человека с годами менялся не в лучшую сторону. Если в 1876 году (см. журнал «Шахматный листок») он анализировал партии с большой объективностью, то позднее (см. журнал «Шахматы») его комментарии стали субъективны и носили порой полемический характер. В этом, конечно, также в немалой степени повинны его «поклонники»...

При всем том значение Чигорина для развития шахматного искусства чувствуется и по сей день. Многие его идеи (в том числе и дебютные) оживают в наши дни, а стиль некоторых современных выдающихся шахматистов в известной мере напоминает игру Чигорина.

Однако именем М.И. Чигорина иногда пользуются для целей шахматному искусству чуждых; так, в предисловии к своей книге «Избранные партии Чигорина» Боголюбов пишет: «Я сам слишком ясно чувствую неразрывную связь своей игры с игрой М.И. Чигорина; то же сходство в стиле с Чигориным можно легко усмотреть и у А.А. Алехина; может быть, это сходство стилей должно быть объяснено общим нам славянским происхождением...»(!).

Особенно велика роль Чигорина в развитии шахмат в России: с его именем связаны первые всероссийские состязания, а также и международные начинания в России. Наконец – и это главное – на партиях и анализах Чигорина учились играть в шахматы многие тысячи шахматистов, и мы, советские шахматисты, в немалой степени пользуемся результатами его трудов.

Несколько слов о М.И. Чигорине

Первой шахматной книгой, которую я прочел, был «Шахматный листок» Чигорина за 1876-1877 годы. Изучение этого журнала принесло мне немалую пользу. Там очень хорошо были проанализированы Чигориным открытые дебюты; по мере того как я овладевал нотацией, я разыгрывал все большее число партий и примерно за два месяца проштудировал всю книгу.

Михаил Иванович Чигорин уже в те годы был весьма искусным аналитиком. Конечно, его комментарии к партиям были кратки, как это тогда было принято (отчасти потому, что большинство читателей было слабыми шахматистами), но зато метки: перепечатывая партии из зарубежных журналов, Чигорин почти всегда находил ошибки у комментаторов, в том числе и у Стейница.

Чигорин в основном был мастером фигурной игры; мне кажется что это наиболее верное определение характера его творчества. Именно поэтому он отлично разыгрывал открытые позиции. Этим, по-моему, объясняется и его отвращение к теории позиционной игры Стейница. Действительно, положение фигур за время партии более изменчиво, чем конфигурация пешек, и Чигорин, конечно, меньше Стейница и Тарраша нуждался в принципах позиционной игры. Любопытно, что даже ферзевый гамбит он трактовал по-своему: он придумал свою защиту, пытаясь и в ферзевом гамбите играть почти исключительно фигурами (эта идея Чигорина в наши дни успешно воплощена в защите Нимцовича).

Я думаю, только этой некоторой односторонностью игры Чигорина можно объяснить тот факт, что этот великий шахматист не был чемпионом мира.

Замечу еще, что характеристика творчества Чигорина будет неполной, если не подчеркнуть его высокое мастерство в области ведения эндшпиля.

Чигорин, кажется, был первым русским, который избрал шахматы своей профессией. Если теперь у нас каждый мастер может легко решиться на это, так как сотни тысяч граждан нашей Советской страны увлекаются шахматами и шахматы пользуются у нас поддержкой государства, то тогда, в условиях царской России, когда даже карточная игра расценивалась неизмеримо выше шахмат стать шахматистом-профессионалом было нелегко.

Чигорин всю свою жизнь посвятил шахматам, многое успел сделать, и, безусловно, наши советские шахматисты в немалой степени пользуются плодами его трудов.

Книга о М. Чигорине

Когда в 1889 году Гаванский шахматный клуб предложил чемпиону мира В. Стейницу сыграть матч с сильнейшим своим противником, Стейниц указал на русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина...

М. Чигорин добивался выдающихся успехов на международных турнирах. Однако мы знаем немало крупных Шахматистов, которые все же не пользовались особой популярностью в шахматном мире; популярность же Чигорина была исключительной. Она объяснялась характером его творчества.

В то время общее признание получила несколько суховатая и «догматическая» так называемая новая школа во главе со Стейницем. Появление ее не было случайным: до «новой» школы в шахматах господствовало в основном романтическое направление. Мастера стремились к атаке, к жертвам, играли гамбиты (дебюты, где ради атаки жертвуются пешки и фигуры). Шахматные учебники, по сути дела являлись справочниками по гамбитным началам, где приводились старинные варианты всевозможных королевских гамбитов. Защищались мастера в то время слабовато – они предпочитали атаковать а если из атаки ничего не получалось, ну что же, тогда... проигрывали! В свое время Стейниц также был «романтиком».

Но материалистическое направление, свойственное передовой науке и культуре второй половины XIX столетия, не могло пройти мимо шахмат. Действительно, ведь стиль мастеров-романтиков которые любой ценой стремились к атаке, был в скрытой форме стилем авантюристическим. Сильному шахматисту, Настроенному реалистически и искусному в обороне, такие партнеры были весьма по душе: стоило лишь принять все эти жертвы, предоставить противнику возможность атаки, выдержать первый натиск, а затем уже использовать либо материальное превосходство, либо позиционные слабости, возникшие в лагере неприятеля в процессе слишком стремительной атаки.

Такова, собственно, основная «философская» установка «новой» школы. Приобретя опыт в обороне, Стейниц отказался от романтического стиля игры – гораздо выгоднее было использовать «активность» своих партнеров! Для этого, разумеется, пришлось поднять позиционную технику игры на большую высоту. Появилось учение об использовании пешечных слабостей, о постепенном накоплении преимуществ, важности овладения открытыми линиями, обороноспособности стесненных позиций. Все в большую моду входили так называемые закрытые начала, в которых, пожалуй, нет возможности с первых же ходов начинать атаку. Повышение техники позиционной игры (не только у Стейница) привело к тому, что романтическая «старая» школа пришла к своему поражению.

Однако остался в шахматном мире один крупный мастер, который, по мнению его современников, не отошел от «старой» школы, – им был Чигорин. Он по-прежнему с успехом применял открытые начала, ведущие к острой борьбе, и стремился к бурным атакам, к контрнаступлению даже против «самого» Стейница!

Объяснялось это двумя причинами: во-первых, Чигорин обладал исключительным комбинационным талантом, он был величайшим мастером атаки и активной обороны; во-вторых, Чигорин интуитивно чувствовал догматизм некоторых принципов Стейница. □

Следует особо подчеркнуть, что в понимании многих характерных позиций Чигорин опередил свое время, поэтому зачисление его в ряды сторонников «старой» школы в некоторой степени являлось неоправданным.

Представители «новой» школы без промаха поражали правоверных приверженцев «старой», а с Чигориным, который сумел сохранить и все ценное от наследия «старой» школы, да и частично освоить новое позиционное понимание шахмат, им было сражаться трудновато...

Жизнь Чигорина была нелегкой. По окончании сиротского института он работал в качестве мелкого чиновника и лишь в возрасте 23 лет начал с увлечением изучать шахматы. Через восемь лет он уже с блеском защищал честь русских шахмат на международном турнире, а еще восемь лет спустя вступил в единоборство со Стейницем.

Чигорин основал русскую школу в шахматах. Исключительно велика была его роль и в развитии шахмат в России. Почти все русские мастера были его последователями.

После смерти Чигорина имя его не было забыто в шахматном мире но партии в какой-то степени были

преданы забвению. Современники великого русского шахматиста не оценили полностью его идеи основанные на глубоком проникновении в тайны позиции.

Советские шахматисты не имели возможности изучать творчество М. Чигорина, ибо его партий не было в современной шахматной литературе. Конечно, косвенным путем мастера советского поколения перенимали опыт чигоринской школы у шахматистов дореволюционного поколения: Б. Берлинского, Ф. Дуз-Хотимирского, А. Ильина-Женевского, Г. Левенфиша, В. Ненарокова, И. Рабиновича, П. Романовского и других. Но непосредственно изучать его творчество по «первоисточнику» советские шахматисты начали лишь после того, как появилась книга Грекова (первое ее издание вышло в 1939 году), посвященная замечательному русскому шахматисту.

Н. Греков совершил своего рода жизненный подвиг: на протяжении многих лет он собирал партии, анализы, статьи Чигорина. Они были разбросаны по специальным шахматным книгам и журналам по различным периодическим изданиям, давно уже ставшим библиографической редкостью. Греков любовно отобрал лучшие партии и анализы Чигорина и включил их в книгу. Критико-биографические очерки автора также заслуживают признания.

Н. Греков анализирует творчество Чигорина с большим знанием дела. Он, например, правильно отмечает достоинства и недостатки Чигорина как спортсмена; укажем лишь, что здесь он, пожалуй несколько идеализирует Чигорина, избегая критической оценки этих недостатков, не подчеркивая важности единства творческого содержания партии и ее результатов, а к этому как раз и стремятся мастера в наши дни. Между тем Чигорин не нуждается ни в какой идеализации.

Когда же Греков переходит к оценке других больших мастеров прошлого, его работа не всегда является убедительной. Автор не отметил положительной роли, которую сыграла «новая» школа в повышении позиционной техники игры. Стейниц и другие мастера той эпохи освещены односторонне и получились несколько тусклыми. Вызывает также недоумение то, что автор зачислил современных нам шахматистов М. Видмара и Дж. Томаса в число последователей Чигорина, что просто не соответствует действительности. Но все эти недостатки малосущественны.

Основное значение патриотического труда Грекова состоит в том что он открыл советским шахматистам подлинного Чигорина. Это разумеется, послужило мощным толчком к изучению творческого наследия великого мастера и сыграло немалую роль в достижении советскими шахматистами их ведущего положения в шахматном мире. Второе издание труда Грекова, значительно расширенное и улучшенное, позволит сейчас познакомиться с творчеством Чигорина новым кадрам советских шахматистов. Это, несомненно, будет способствовать новым достижениям отечественной шахматной школы.

М

Ихтиаил Иванович Чигорин родился в Гатчине 31 октября (12 ноября) 1850 г. О его детстве и юношестве русские шахматисты долгое время почти ничего не знали: видимо, сам Чигорин без особого удовольствия вспоминал свою молодость и не делился ни с кем подробностями этого периода своей жизни.

В тридцатых годах нашего столетия известный шахматный историк М. С. Коган* после многолетних архивных исследований выяснил некоторые обстоятельства детства и молодости Чигорина.

Дед Михаила Чигорина, Иван Чигорин, был солдатом, служил на пороховом заводе. Отец, Иван Иванович, был мастером, затем заведовал школой Охтинского порохового завода. Девяти лет Михаил Чигорин потерял отца; мать, Наталья Егоровна, умерла еще раньше. Сирота остался на попечении тетки, Феклы Ивановны, которая определила его вскоре в Гатчинский Сиротский Институт.

В институте Чигорин и познакомился с шахматами, правда, лишь в возрасте 16 лет. Своего шахматного учителя — воспитателя Шумана — он вскоре настолько превзошел, что впоследствии играл с ним без ладьи.

Далее следует семилетний перерыв в шахматной биографии Чигорина. После сиротского института он вынужден был работать в качестве мелкого чиновника под Петербургом и почти забросил шахматы „... за отсутствием игроков, с которыми можно было бы сразиться“.

Когда Чигорину было 23 года, он попал, наконец, в кафе Доминика в Петербурге; в этом кафе собирались

* Погиб в Ленинграде во время блокады.

сильнейшие столичные шахматисты. Здесь за игрой „на дачу вперед“, подчас „на ставку“ и делал свои первые шахматные шаги Чигорин. Незавидна была тогда доля лучших русских „маэстро“!

Вскоре Чигорин добился поразительных успехов. Довольно быстро он прошел путь от новичка до сильнейшего шахматиста России, опередив виднейших мастеров того времени, в том числе и Э. С. Шифферса. Восемь лет спустя (в 1881 г.) после первого знакомства с петербургскими мастерами Чигорин уже представлял Россию за рубежом на международном турнире в Берлине.

Хотя М. И. Чигорин был первым русским мастером, который выступал на международных турнирах, не следует думать, что до него не было в России сильных шахматистов: известны имена Петрова, Яниша, братьев Урусовых, Шумова. Однако Чигорин занял исключительное место в русской шахматной жизни. С одной стороны, это объясняется его крупным талантом; с другой стороны (что также весьма важно), Чигорин был первым русским мастером-профессионалом (в лучшем значении этого слова). Соединение этих двух моментов и позволило ему в своей деятельности заложить прочные основы отечественной шахматной школы.

Итак, в 1881 г. Чигорин дебютирует на турнире в Берлине. Результат отличный: он делит 3—4-й призы. Впереди Чигорина лишь опытные гроссмейстеры — англичанин Блекберн и немец Цукерторт.

Затем в 1883 г. следует ответственное выступление на турнире в Лондоне. Чигорин завоевывает 4-й приз; во главе турнирной таблицы Цукерторт, Стейниц и Блекберн. Однако Чигорину удалось выиграть обе партии у Стейница.

После турнира в Лондоне Чигорин шесть лет не выступает в соревнованиях: в основном он совершенствуется в области шахматного анализа. Можно сказать, что это было затишье перед бурей.

За это время важные события произошли в шахматном мире. В 1886 г. в США Стейниц нанес в матче сокрушительный удар своему опасному противнику — Цукерторту. Тогда Стейниц впервые в истории шахмат и был провозглашен чемпионом мира. Блекберн проиграл матч Стейницу еще раньше.

Неудивительно поэтому, что когда Гаванский шахмат-

ный клуб предложил чемпиону мира провести его матч с сильнейшим противником, Стейниц указал на русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина.

В 1889 г. на Кубе состоялось это интереснейшее соревнование. Чигорин хотя и проиграл матч, но добился против Стейница более почетного результата, чем кто-либо другой, в том числе Цукерторт.

После матча со Стейницем Чигорин выступает на международном турнире в Нью-Йорке и на этот раз делит 1—2-й призы.

Матч его с Гунсбергом (Гаванна, 1890 г.)— одним из сильнейших шахматистов того времени— заканчивается вничью. В том же году по возвращении в Петербург Чигорин начал со Стейницем (чемпион мира тогда жил в Нью-Йорке) знаменитые партии по телеграфу.

Эти партии имели принципиальное значение. Дело в том, что Стейниц, на основании своей „теории“, рекомендовал в числе других два дебютных варианта: один вариант в гамбите Эванса за черных и второй— в дебюте двух коней за белых. Путем чисто догматических рассуждений Стейниц доказывал, что лишняя пешка может дать в этих вариантах победу, если ставить королевского коня... на линию h, т. е. в одном случае на h6, а в другом— на h3.

Чигорин взялся на практике доказать абсурдность теоретических упражнений Стейница. Вызов был принят, и обе партии, игранные по телеграфу (в этих партиях и были сыграны рекомендованные Стейницем дебютные варианты), закончились блестящей победой русского мастера.

Эффект был настолько сильным, что несколько месяцев спустя, после окончания телеграфных партий, опять на Кубе начался второй матч Чигорина со Стейницем на мировое первенство (Гаванна, 1892 г.). Стейниц с большим напряжением выиграл матч, на этот раз— с минимальным перевесом. Снова сказались недостатки спортивного характера Чигорина, о которых еще речь будет дальше. Однако Чигорин и вместе с ним шахматная общественность России не теряли надежд на завоевание первенства мира; Чигорин продолжает свою энергичную деятельность. В 1893 г. в Петербурге он сводит вничью трудный матч с Таррашем (Германия), виднейшим последователем Стейница. Но решающие битвы были еще впереди.

Гастингс, 1895 г. — вероятно, крупнейший международный турнир конца прошлого века. Участвуют все сильнейшие шахматисты мира; Чигорин блестяще завоевывает второй приз (во главе турнирной таблицы был молодой Пильсбери).

Между тем задача Чигорина — завоевать первенство мира — осложнилась. Правда, новый чемпион мира Эм. Ласкер (он в 1894 г. победил Стейница) был в Гастингсе лишь третьим, да и в личной встрече он (так же как и Пильсбери) был побежден Чигориным. Но Ласкер был моложе Чигорина на целых 18 лет...

Несколько месяцев спустя в Петербурге (1895/96 г.) и произошло решительное сражение: в матч-турнире встретились Стейниц — Чигорин, Ласкер и Пильсбери. Молодой чемпион мира защитил свое звание, и 45-летний Чигорин почувствовал, что годы уже не позволят ему в будущем продолжать напряженную борьбу за первенство.

К тому же в этот трудный момент от него равнодушно отвернулись богатые „покровители“ шахматистов. Достаточно сказать, что эти меценаты в космополитическом рвении устроили в Москве матч Стейниц — Ласкер, но не позаботились о том, чтобы дать возможность Чигорину выступить в единоборство с чемпионом мира.

Дальнейшие выступления Чигорина свидетельствуют о постепенном снижении его практической силы. Правда, изредка он играет еще успешно, например в Будапеште (1896 г.) — 1 место, в Кельне (1898 г.) — делит 2 — 3 — 4-е места, в Монте-Карло (1901 г.) — дележ 3 — 4 мест. На турнире в Вене (1903 г.) Чигорин добивается 1-го приза, но это был так называемый гамбитный турнир; здесь обязательно было избирать в начале партии принятый королевский гамбит; известно, что в этой области Чигорин никогда не имел себе равных. Но постепенно успешных выступлений становится все меньше, а неудач больше. Болезнь подтачивала физические силы Чигорина. В 1908 г. он умер.

Такова спортивная биография Михаила Ивановича Чигорина. Основным творческим ее содержанием была его борьба со Стейницем и „новой“ школой. Чигорин, быть может, был единственным крупным мастером того времени, который разглядел уязвимые стороны теории Стейница и на практике показал, как этим можно пользоваться.

Известно, например, пристрастие Стейница к материальному преимуществу. Стейниц всегда охотно принимал

в дебюте жертвы в надежде, что атака противника будет отбита, после чего можно будет использовать материальный перевес — при этом Стейниц игнорировал индивидуальные особенности позиции. Чигорин же демонстративно играл со Стейницем гамбит Эванса (1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Sc4 Sc5 4. b4) и почти всегда добивался успеха. Стейниц также объявил о превосходстве двух слонов над слоном и конем или двумя конями. Теперь мы знаем, что это положение верно, как правило, для открытых позиций, Стейниц же считал, что „превосходство“ двух слонов может сказаться в любых условиях. И вот в Гастингсе (1895 г.) при встрече с молодым чемпионом мира Эм. Ласкером (в то время Ласкер был весьма близок к „новой“ школе) Чигорин остался с двумя конями против двух слонов у противника. Создав замкнутую позицию, где сила двух слонов не могла сказаться, и, умело маневрируя конями, Чигорин добился победы!

Характерно также отношение Чигорина к постановке начала партий. Стейниц и Тарраш считали, что в ферзевом дебюте всегда надо сначала продвинуть пешку „с“ на два поля, а затем уже развивать ферзевого коня. Вопреки им, Чигорин после ходов 1. d4 d5 2. c4 сразу играл 2... Kc6 и побеждал своих противников, которые не могли понять, почему они проигрывали. Любопытно, что этой же защитой Чигорин выиграл упомянутую выше партию у Ласкера на турнире в Гастингсе в 1895 г.

Известно, что, в конце концов, защита Чигорина не оправдала себя полностью. Но, во-первых, основная идея этой защиты — борьба за центр с помощью фигур — легла в основу ряда современных начал (дебют Рети, защиты Алехина, Нимцовича, Грюнфельда, Рагозина), а во-вторых, не окажется ли со временем, что защита Чигорина лучше, нежели ее репутация?

Таким образом, можно определенно утверждать, что в понимании некоторых сложных позиций Чигорин превосходил своих современников, в том числе и Стейница. Его противники видели лишь красоту комбинаций Чигорина, но не замечали позиционную основу его игры в начале и середине партии. Позиционное зерно красочных партий Чигорина спустя 2—3 десятилетия после его смерти легло в основу целого ряда наиболее популярных дебютных систем.

Таким образом, хотя Чигорин и не добился формаль-

М. И. Чигорин

ной (спортивной) победы над Стейницем и его школой,— чигоринские идеи победили и они живут в партиях современных нам шахматистов.

М. И. Чигорин сыграл выдающуюся роль в развитии шахматного движения в России. Честь организации первого всероссийского турнира, в основном, принадлежит Чигорину. Он все время ратовал за турниры, за открытие шахматных клубов, много писал на эту тему, ездил по России, чтобы помочь в организации шахматной жизни, а в тяжелых условиях царской России это было неблагодарным делом. Чтобы открыть клуб, надо было пройти большие полицейские преграды, так как ко всем клубам культурно-просветительного характера царское правительство относилось с крайней неприязнью.

В 1899 г. в Москве происходил первый всероссийский шахматный турнир и победителем, конечно, вышел Чигорин (второе место завоевал Шифферс). Во втором и третьем всероссийских турнирах победителем также был Чигорин, несмотря на то, что появились шахматисты следующего поколения — его ученики.

Что же сделал Чигорин для создания русской шахматной школы?

Чигорин — первый шахматист, который стал в России серьезно заниматься аналитической работой. До Чигорина этим занимался, главным образом, Яниш, но его анализы относились лишь к области дебюта, а не к шахматной партии в целом.

Чигорин с исключительной серьезностью относился к работе в журнале „Шахматный листок“ (этот журнал Чигорин героически издавал несколько лет. Журнал закрылся, когда была потеряна последняя надежда собрать во всей России 250 подписчиков, что могло обеспечить безубыточность издания. . .). Он помещал статьи, теоретические анализы, внимательно следил за работами Стейница, тщательно проверял их, нередко находил ошибки и эти ошибки критиковал на страницах журнала. Позднее Чигорин с большим успехом редактировал шахматные отделы в периодических изданиях. Чигорин создал стиль глубокого подхода к шахматному искусству, он отчасти относился к шахматам так, как привыкли относиться к ним советские шахматисты.

Чигорин был первым в России шахматистом, который решил отдать всю свою жизнь шахматам, чтобы просла-

вить русские шахматы, сделать их народной игрой, чтобы убедить современников смотреть на шахматы по-новому, как они того заслуживают.

Напомним, что в старину существовало отношение к шахматам, как к „временепрепровождению“, как к заурядной настольной игре. И тогда многие, вероятно, считали, что шахматы, имеющие многовековую историю и культуру, выше чем какая-либо „настольная игра“, но все-таки к шахматам относились „по-любительски“ (в худшем значении этого слова). Эм. Ласкер, например, в бытность чемпионом мира бросал шахматы на длительный срок потому, что ему представлялось более выгодным заниматься деловыми операциями. Ласкер относился к шахматам как к ремеслу не потому, что он не уважал шахматы, а в связи с тем, что он чувствовал покровительственное, филантропическое отношение к шахматам в окружавшей его буржуазной среде и он подчинялся этому взгляду. Возьмем другого крупнейшего мастера — Х. Р. Капабланку. В условиях капиталистического мира он стеснялся даже показать свою любовь к шахматам, подчеркивал, что основное его занятие — дипломатия и коммерция, что он шахматами почти не занимается, а только „играет в шахматы“, когда сидит за шахматным столиком.

Пожалуй, на Западе лишь Поль Морфи (1837 — 1884 гг.) относился к шахматам со всей страстью, отдавая им все свои силы. Однако не следует забывать, что Морфи выступал в соревнованиях всего лишь в течение двух лет, а М. И. Чигорин безраздельно посвятил шахматам 34 года своей жизни.

Подобное служение шахматам не могло не принести плоды. Талант Чигорина позволил ему стать крупным новатором в области теории начал: много нового он открыл в гамбите Эванса, королевском гамбите, итальянской партии, в защите двух коней, испанской партии. Во французской партии он изобрел продолжение 2. Фе2, после чего уже не получается обычная французская партия, а скорее староиндийская защита с переменной цвета фигур. Именно Чигорин и стал одним из первых играть староиндийскую защиту и разработал дебютную схему этого начала.

Стремление внести что-то оригинальное в шахматы, а не применять только известные догмы, неустанные поиски творчески нового характерны для Чигорина. Эта

творческая задача весьма трудна, и сам Чигорин не сумел, например, в ферзевом гамбите решить полностью своей защитой 1. d4 d5 2. c4 Кс6 те проблемы, которые он ставил. . . Для того, чтобы получить представление о творческом лице Чигорина, нужно понять, что Чигорин часто искал в шахматной партии не правил, а исключений. Анализируя партии, он обычно пытался что-либо опровергнуть, внести что-то свое — качество исключительно ценное.

Характерно следующее высказывание Чигорина. В примечаниях к одной из своих партий он писал:

„Нередко. . . теоретическое — синоним шаблонного. Ибо, что такое „теоретическое“ в шахматах, как не то, что можно встретить в учебниках и чего стараются придерживаться, раз не могут придумать чего-либо более сильного или равного, самобытного“.

Критиковать и себя и других шахматистов совершенно необходимо, так как только тот, кто критически относится и к себе и к своим будущим партнерам, может надеяться, что он будет хорошо анализировать и достигать успехов. Правда, у Чигорина это иной раз переходило в крайность. Это было одной из слабостей спортивного характера Чигорина.

Слабостью Чигорина являлось и то, что он не всегда учитывал психологию партнеров, недостаточно интересовался психологическим элементом в шахматной борьбе. Чигорин, проводя задуманные им стратегические планы, шел иногда напролом, не чувствуя настроения партнера, не считаясь с возможной опасностью. Вот почему в решительные моменты борьбы с ним и получались иногда спортивные неудачи, как, например, в матчах со Стейницем.

Иногда субъективным было и отношение Чигорина к аналитической работе. Чигорин нередко не столько пытался установить истину и донести эту истину до своих читателей, сколько увлекался полемикой с оппонентами.

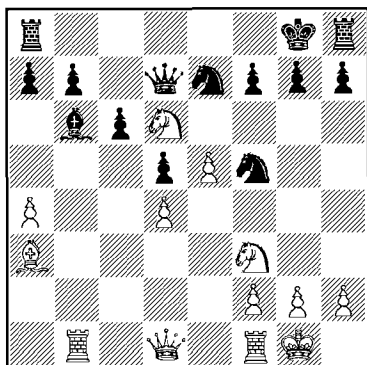
Таковы были мелкие недостатки Чигорина, которые, к сожалению, иногда мешали Чигорину добиваться единства творческого содержания партии и ее результата.

Чигорин был величайшим мастером атаки. Он обладал превосходным комбинационным зрением и исключительной интуицией в острых сложных положениях. Когда Чигорин жертвовал, то шел на такой вариант не только из соображений точного расчета, но и руководствуясь шахматной интуицией.

Напомним, что на склоне лет, будучи уже тяжело больным, он, естественно, участвовал в турнирах без особого успеха. Однако, как уже отчасти это отмечалось раньше, если это были тематические гамбитные турниры, где в обязательном порядке применялись гамбитные начала, где все решалось жертвой, атакой, контраступлением, — в этих турнирах Чигорин оставался недосягаем.

В приводимой позиции из первой партии матча со Стейницем в 1892 г. Чигорин эффектным ходом 19. Kd6:f7! пожертвовал фигуру, и черный король после 19... Kpg8:f7 20. e5—e6+! Kpf7:c6 21. Kf3—e5 оказался в центре доски. Таким образом, пожертвовав „чистого“ коня, Чигорин сделал короля черных объектом атаки и в блестящем стиле выиграл партию.

В. Стейниц

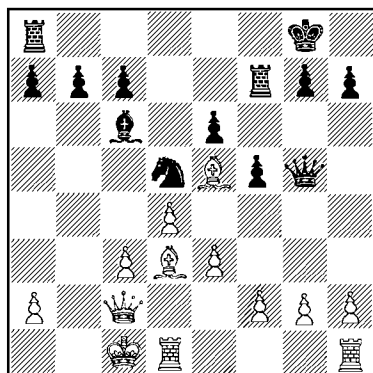
М. Чигорин

Ласкер впоследствии доказывал, что эту позицию можно было бы выиграть и другим, более спокойным путем (19. a5), но творческий метод, который избрал Чигорин, был полноправным методом, характерным для искусства Чигорина. Это был путь, снискавший ему широчайшую популярность среди шахматистов всего мира.

Следующая позиция представляет большой интерес; она показывает выдающиеся способности Чигорина в контраступлении. Она интересна еще и тем, что в те времена никому не удавалось получать подобных позиций за черных в ферзевом гамбите. Если не знать, что эту

позицию играл Чигорин, можно подумать, что черными фигурами предводительствовал кто-нибудь из современных мастеров. Автор этих строк не отказался бы от того, чтобы довести партию черных до такого положения.

М. Чигорин

Р. Тейхман

Эта позиция получилась в партии М. Чигорина с Р. Тейхманом (Кэмбридж-Спрингс, 1904 г.).

Черные ходом 15... b7 — b5! обеспечили неприступную позицию централизованному коню на b5. Заметим, что так же (но четверть века спустя!) укреплял коня в центре в аналогичных позициях (с помощью пешек b5 и f5) гроссмейстер А. Нимцович.

Положение выглядит обоюдоострым, ибо после 16. Лh1 — g1 грозит 17. g4 со вскрытием линии g и атакой на черного короля.

Однако основной минус позиции белых заключается в „сильном“ положении белого слона на e5, хотя с этим и были связаны, очевидно, все призрачные надежды белых! На e5 белый слон расположен плохо, так как он не может принять участие в защите своего короля, на позицию которого черные начинают энергичное контрнаступление. Потребовалось всего четыре хода: 16... Фg5 — e7 17. Лd1 — f1 Фe7 — a3 + 18. Кrc1 — d2 b5 — b4! 19. c3 — c4 Сс6 — a4, и атака черных стала неотразимой. Это — партия наших дней. Современные мастера, несмотря на то, что техника шахмат ушла далеко вперед, горди-

лись бы такой партией. А Чигорин играл эту партию 47 лет назад!

Обобщая анализ чигоринского творчества, можно сказать следующее: М. И. Чигорин был величайший русский шахматист, художник и энтузиаст шахматной мысли, безгранично преданный своему народу, своему искусству; он внес большой вклад в дело развития шахмат в России и оказал сильнейшее влияние на мировую шахматную мысль.

Михаил Иванович Чигорин на много лет опередил свое время. Его творчество всегда будет являться для нас неиссякаемым источником развития и совершенствования шахматных идей.
